УДК 930.85

Н. Б. Рязанцева

Проблемы цивилизационного мироустройства

Во второй половине XX в. появился ряд исследований, в которых была сделана попытка дать общую схему развития человечества и показать перспективы процесса цивилизационного мироустройства. Американский социолог Уолт Ростоу (р. 1916) в 1960 г. предложил социально-экономическую концепцию исторического развития, сформулированную в книге «Стадии экономического роста». Она явилась своеобразным манифестом антикоммунизма. Он делит историю человечества на пять стадий экономического роста: традиционное общество, переходное общество, стадия сдвига или промышленная революция, стадия зрелости и эра высокого массового потребления. По мнению Ростоу, в развитии общества решающую роль играют технико-экономические показатели.

Идея технологического детерминизма лежит в основе теории индустриального общества. Один из создателей этой теории, французский социолог Раймон Арон (1905–1983) в работе «Лекции по индустриальному обществу», изданной в 1964 г., предложил неидеологическую теорию общества, по его словам, единственно верную, ибо она изучает то, что есть в действительности. Он выдвинул тезис о взаимодействии техники и общества. С одной стороны, утверждает Арон, прогресс науки и техники в XX в. порождает определенные идеалы, с другой делает невозможным их осуществление. Это вызывает массовый пессимизм. Арон показывает, что социальный прогресс характеризуется переходом от традиционного общества (т.е. аграрного, в котором господствует натуральное хозяйство и сословная иерархия) к передовому индустриальному обществу. Он полагает, что единое индустриальное общество способно на прогрессивное безграничное развитие.

Однако уже в 70-х гг. XX в. начали разрабатывать идею, согласно которой научно-технический прогресс приводит к трансформации индустриального общества в качественно иное постиндустриальное общество. Одним из основателей этой теории являлся американский социолог Даниель Белл (р. 1919). В 1973 г. он опубликовал работу «Пришествие постиндустриального общества», в которой изобразил будущее человечества с позиций умеренного технологического детерминизма.

История, по Беллу, зависит от уровня развития техники в обществе. Он выделил три этапа общественного развития. Первый, доиндустриальный, характеризуется преобладанием сельского хозяйства в сфере экономической деятельности, особой ролью армии и церкви в сфере социальной организации, лидирующим положением феодалов и священнослужителей. На втором, индустриальном этапе преобладает, соответственно, промышленное производство, фирма, корпорация и бизнесмены. В последней трети XX в. происходит переход от товарно-производящей к обслуживающей экономике, ведущая роль в которой принадлежит науке и образованию, что соответствует третьему этапу — постиндустриальному. В постиндустриальном обществе, по мнению Белла, университеты становятся центрами формирования новых идей и перспектив развития, ученые — лидерами, а интеллектуальный талант и знания превращаются в средства власти.

В 80–90-е гг. XX в. продолжают появляться теории и концепции, которые дают несколько упрощенную и ограниченную схему цивилизационного развития. По-прежнему эксплуатируется фактор относительной самостоятельности современной научно-технической революции, ускорения и усложнения технического прогресса. Большой интерес вызвала концепция третьей волны американского социолога Элвина Тоффлера (р. 1928), одного из авторов концепции «сверхиндустриальной цивилизации»[23]. В его основных работах проводится тезис о том, что человечество переходит к новой технологической революции, т.е. на смену первой волне (аграрной цивилизации) и второй (индустриальной цивилизации) приходит новая, ведущая к созданию сверхиндустриальной цивилизации; Тоффлер предупреждает о новых сложностях, социальных конфликтах и глобальных проблемах, с которыми столкнется человечество на стыке XX и XXI вв. В книге «Третья волна», вышедшей в 1980 г., им предложена следующая общеисторическая схема. Первая волна (сельскохозяйственная цивилизация) существовала до Нового времени. Затем последовала вторая волна — индустриальная цивилизация. С конца XX в. человечество вступило в эпоху третьей волны грядущей цивилизации, с названием которой Тоффлер не определился. Одни говорят о грядущем космическом веке, информационной или электронной эре, о глобальной деревне, технотронном веке. Однако ни один из этих терминов не является адекватным. В яркой, образной форме Элвин Тоффлер осуществляет сопоставление сельскохозяйственной и индустриальной цивилизаций на экологическом, научно-техническом, экономическом,

политическом, социально-организационном и культурном уровнях. Основной принцип их развития он определяет как неограниченный рост во имя роста. В основе третьей волны, т.е. общества будущего, лежит иной принцип развития: рост, но ограниченный и сбалансированный. Путь перехода к нему Тоффлер видит в гуманизации всех сфер жизни современного человека на основе повсеместного внедрения новейшей компьютерной техники, которое позволит перейти к максимально индивидуальному обслуживанию. Вместе с тем он отказывается применять термин «информационное общество», который все-таки после выхода его книги стал весьма популярен.

Созданные в последние десятилетия схемы, концепции и теории исторического развития появились тогда, когда информационная революция и новейшие высокие технологии стали реальностью. Компьютеризация определяет новый, цивилизационный поворот. Информационные процессы, затрагивая все стороны постиндустриального общества, формируют принципиально иную систему жизнедеятельности этого общества, ее контроля и совершенствования.

Американский исследователь Дж. Несбитт в одной из своих работ заметил: «Теперь ясно, что постиндустриальное общество — это информационное общество. Создание, хранение и распространение информации — главная тенденция современности». Информацию Несбитт считает наиболее важным стратегическим ресурсом и в настоящее время, и особенно в будущем. Развивая основные идеи своей теории, Несбитт дает широкое описание цивилизационных процессов, показывает перемены в образе жизни, в системе ценностных установок и ориентаций. Он вскрывает некоторые долгосрочные тенденции будущего человечества, которое представляется ему сложным, неоднозначным, но обреченным на оптимистическую логику развития.

В конце XX в. были сформулированы и пессимистические теории относительно перспектив цивилизационного развития. Американский ученый Самуэль Хантингтон в 1996 г. опубликовал книгу «Столкновение цивилизаций и переустройство мирового порядка». В ней утверждается, что будущее человечества будет определять конфронтация цивилизаций. Он выделил четыре цивилизации: китайскую, индийскую, мусульманскую и западную. Они возникли на основе мировых религий: буддизма, индуизма, ислама и христианства. По мнению Хантингтона, современная западная цивилизация воспринимается другими как слишком агрессивная. К тому же меняется баланс сил: мощь западной цивилизации убывает, и набирают силу другие цивилизации, прежде всего исламская. Ожидается, как утверждает Хантингтон, что к 2025 г. мусульманский мир составит одну треть населения земли. По Хантингтону, в будущем человечество ждет схватка цивилизаций.

Идентичность на уровне цивилизации, по мнению Хантингтона, будет становиться всё более важной, и облик мира будет в значительной мере формироваться в ходе взаимодействия семи–восьми крупных цивилизаций. К ним относятся западная, конфуцианская, японская, исламская, индуистская, право-

славно-славянская, латиноамериканская и, возможно, африканская цивилизации. По мнению оппонентов американского культуролога, если исходить из его критериев выделения цивилизаций (язык, история, обычаи, институты, самоидентификация), непонятно, почему латиноамериканская и православная (российская) цивилизации выделяются, а не включаются в состав западной. Ведь православная теология и литургия, ленинизм и учение Льва Толстого — всё это проявления западной культуры.

Итак, самые значительные конфликты будущего, по мнению Хантингтона, развернутся вдоль линий разлома между цивилизациями. Как он обосновывает свою концепцию? Во-первых, различия между цивилизациями не просто реальны. Они наиболее существенны. Цивилизации несхожи по своей истории, языку, культуре, традициям и, что самое важное, — религии. Люди разных цивилизаций по-разному смотрят на отношения между Богом и человеком, индивидом и группой, гражданином и государством, родителями и детьми, мужем и женой, имеют разные представления о соотносительной значимости прав и обязанностей, свободы и принуждения, равенства и иерархии. Они более фундаментальны, чем различия между политическими идеологиями и политическими режимами. Конечно, различия не обязательно предполагают конфликт, а конфликт не обязательно предполагает насилие. Однако в течение столетий самые затяжные и кровопролитные конфликты порождались именно различиями между цивилизациями.

Во-вторых, мир становится более тесным. Взаимодействие между народами разных цивилизаций усиливается. Это ведет к росту цивилизационного самосознания, к тому, что глубоко осознаются различия между цивилизациями и то, что их объединяет. Североафриканская иммиграция во Францию вызвала у французов враждебное отношение и в то же время укрепила доброжелательность к другим иммигрантам — «добропорядочным католикам и европейцам из Польши». Американцы гораздо болезненнее реагируют на японские капиталовложения, чем на куда более крупные инвестиции из Канады и европейских стран. Всё происходит по сценарию, описанному американским ученым Д. Хорвицем: «В восточных районах Нигерии человек народности ибо может быть лишь ибо-оуэрри либо же ибо-онича. Но в Лагосе он будет просто ибо. В Лондоне он будет нигерийцем, в Нью-Йорке — африканцем». Взаимодействие между представителями разных цивилизаций укрепляет их цивилизационное самосознание, а это в свою очередь обостряет уходящие в глубь истории или, по крайней мере, так воспринимаемые разногласия и враждебность.

В-третьих, процессы экономической модернизации и социальных изменений во всем мире размывают традиционную идентификацию людей с местом жительства, одновременно ослабевает и роль нации-государства как источника идентификации. Образовавшиеся в результате лакуны по большей части заполняются религией, нередко в форме фундаменталистских движений. Подобные движения сложились не только в исламе, но и в западном христианстве,

иудаизме, буддизме, индуизме. В большинстве стран и конфессий фундаментализм поддерживают образованные молодые люди, высококвалифицированные специалисты из средних классов, лига свободных профессий, бизнесмены. Как заметил американский религиовед Г. Вайгель, «Десекуляризация мира — одно из доминирующих социальных явлений конца XX в.». Возрождение религии, или, говоря словами другого теолога, Ж. Кепеля, «реванш Бога», создает основу для идентификации и сопричастности с общностью, выходящей за рамки национальных границ, для объединения цивилизаций.

В-четвертых, рост цивилизационного самосознания диктуется раздвоением роли Запада. С одной стороны, Запад находится на вершине своего могущества, а с другой — возможно, как раз поэтому среди незападных цивилизаций происходит возврат к собственным корням. Всё чаще приходится слышать о «возврате в Азию» Японии, о конце влияния идей Неру и «индуизации Индии», о провале западных идей социализма и национализма и «реисламизации» Ближнего Востока, а в последнее время — споры о вестернизации или же русификации «страны Бориса Ельцина». На вершине своего могущества Запад сталкивается с незападными странами, у которых достаточно стремления, воли и ресурсов, чтобы придать миру незападный облик.

В прошлом элиты незападных стран обычно состояли из людей, в наибольшей степени связанных с Западом, получивших образование в Оксфорде, Сорбонне или Сандхерсте и усвоивших западные ценности и стиль жизни. Население же этих стран, как правило, сохраняло неразрывную связь со своей исконной культурой. Но сейчас всё переменилось. Во многих незападных странах идет интенсивный процесс девестернизации элит и их возврата к собственным культурным корням. И одновременно с этим западные, главным образом американские, обычаи, стиль жизни и культура приобретают популярность среди широких слоев населения.

В-пятых, культурные особенности и различия менее подвержены изменениям, чем экономические и политические, и вследствие этого их сложнее разрешить либо свести к компромиссу. В бывшем Советском Союзе, саркастически замечает Хантингтон, коммунисты могут стать демократами, богатые превратиться в бедных, а бедняки — в богачей, но русские при всем желании не смогут стать эстонцами, а азербайджанцы — армянами.

Хантингтон ссылается также на усиление экономического регионализма. Судя по всему, роль региональных экономических связей будет усиливаться. С одной стороны, успех экономического регионализма укрепляет сознание принадлежности к одной цивилизации, а с другой — экономический регионализм может быть успешным, только если он коренится в общности цивилизации. Европейское сообщество покоится на общих основаниях европейской культуры и западного христианства. Успех НАФТА (североамериканской зоны свободной торговли) зависит от продолжающегося сближения культур Мексики, Канады и Америки. А Япония, напротив, испытывает затруднения

с созданием такого же экономического сообщества в Юго-Восточной Азии, так как Япония — это единственное в своем роде общество и цивилизация. Какими бы мощными ни были торговые, экономические и финансовые связи Японии с остальными странами Юго-Восточной Азии, культурные различия между ними мешают продвижению по пути региональной экономической интеграции по образцу Западной Европы или Северной Америки.

Общность культуры, напротив, явно способствует стремительному росту экономических связей между Китайской Народной Республикой, с одной стороны, и Гонконгом, Тайванем, Сингапуром и заморскими китайскими общинами в других странах Азии — с другой. С окончанием холодной войны общность культуры быстро вытесняет идеологические различия. Материковый Китай и Тайвань всё больше сближаются. Если общность культуры — это предпосылка экономической интеграции, то центр будущего восточно-азиатского экономического блока, скорее всего, будет в Китае.

По мнению С. Хантингтона, культурно-религиозная схожесть лежит также в основе Организации экономического сотрудничества, объединяющей 10 неарабских мусульманских стран: Иран, Пакистан, Турцию, Азербайджан, Казахстан, Киргизстан, Туркмению, Таджикистан, Узбекистан и Афганистан. Данная организация была создана в 1960-х гг. тремя странами: Турцией, Пакистаном и Ираном. Важный импульс к ее оживлению и расширению дало осознание лидерами некоторых из входящих в нее государств того факта, что им закрыт путь в европейское сообщество. Но попытки создать более широкую экономическую общность, которая бы объединяла страны островов Карибского бассейна и Центральную Америку, не увенчались успехом: навести мосты между английской и латинской культурой пока еще не удалось.

Таким образом, конфликт цивилизаций разворачивается на двух уровнях. На микроуровне группы, обитающие вдоль линий разлома между цивилизациями, ведут борьбу, зачастую кровопролитную, за земли и власть друг над другом. На макроуровне государства, относящиеся к разным цивилизациям, соперничают из-за влияния в военной и экономической сфере, борются за контроль над международными организациями и третьими странами, стремясь утвердить собственные политические и религиозные ценности.

С. Хантингтон считает, что если в годы войны основные очаги кризисов и кровопролития сосредоточивались вдоль политических и идеологических границ, то теперь они перемещаются на линии разлома между цивилизациями. Холодная война началась с того момента, когда «железный занавес» разделил Европу политически и идеологически, и закончилась с его исчезновением. Но как только был ликвидирован идеологический раздел Европы, вновь возродился ее культурный раздел на западное христианство с одной стороны и православие и ислам — с другой.

Возможно, наиболее важной разделительной линией в Европе является, как считает один из современных американских исследователей У. Уоллис,

восточная граница западного христианства, сложившаяся к 1500 г. У этих стран общий опыт европейской истории: Ренессанс, Реформация, Просвещение, Французская революция, промышленная революция. Их экономическое положение, как правило, гораздо лучше, чем у людей, живущих восточнее. Сейчас они могут рассчитывать на более тесное сотрудничество в рамках единой европейской экономики и консолидацию демократических политических систем.

Восточнее и южнее этой линии живут православные христиане и мусульмане. Исторически они относились к Османской либо Российской империи, и до них донеслось лишь эхо исторических событий, определивших судьбу Запада. Экономически они отстают от Запада и, похоже, менее подготовлены к созданию устойчивых демократических политических систем. И сейчас, по словам С. Хантингтона, «бархатный занавес» культуры сменил «железный занавес» идеологии в качестве главной демаркационной линии в Европе. События в Югославии показали, что это линия не только культурных различий, но временами и кровавых конфликтов.

Уже тринадцать веков тянется конфликт вдоль линии разлома между западной и исламской цивилизациями. Начавшееся с возникновением ислама продвижение арабов и мавров на Запад и на Север завершилось лишь в 732 г. На протяжении XI–XIII вв. крестоносцы с переменным успехом пытались принести в Святую Землю христианство и установить там христианское правление. В XIV–XVII столетиях инициативу перехватили турки-османы. Они распространили свое господство на Ближний Восток и на Балканы, захватили Константинополь и дважды осаждали Вену. Но в XIX — начале XX в. господство турок-османов стало клониться к упадку. Бóльшая часть Северной Африки и Ближнего Востока оказалась под контролем Англии, Франции и Италии.

Военная конфронтация между Западом и исламским миром продолжается целое столетие, и нет даже намека на ее смягчение. Скорее, наоборот, военная конфронтация между Западом и исламским миром продолжается, она может еще больше обостриться. Обе стороны видят во взаимодействии между исламским и западным миром конфликт цивилизаций. «Западу наверняка предстоит конфронтация с мусульманским миром, — пишет индийский журналист мусульманского вероисповедания М. Акбар, — уже сам факт широкого распространения исламского мира от Магриба до Пакистана приведет к борьбе за новый мировой порядок».

К сходным выводам приходит и Б. Льюис: «Перед нами настроение и движение совершенно иного уровня, неподвластные контролю политики и правительств, которые хотят их использовать. Это ни много ни мало конфликт цивилизаций — возможно, иррациональная, но исторически обусловленная реакция нашего древнего соперника против нашей иудео-христианской традиции, нашего мирского настоящего и глобальной экспансии того и другого».

На протяжении всей своей истории арабо-исламская цивилизация находилась в постоянном антагонистическом взаимодействии с языческим, ани-

мистическим (верящим в духов), а ныне по преимуществу христианским чернокожим населением юга. В прошлом этот антагонизм олицетворял образ араба-работорговца и чернокожего раба. Сейчас он воплощается в ряде кровавых столкновений.

Конфликт цивилизаций имеет глубокие корни и в других регионах Азии. Уходящая в глубину истории борьба между мусульманами и индусами выражается сегодня не только в соперничестве между Пакистаном и Индией, но и в усилении религиозной вражды внутри Индии между всё более воинственными индуистскими группировками и устойчивым мусульманским меньшинством.

По мысли Хантингтона, уровень потенциальной возможности насилия при взаимодействии различных цивилизаций может варьироваться. В отношениях между американской и европейской субцивилизациями преобладает экономическая конкуренция, как и в отношениях между Западом в целом и Японией. В то же время в Евразии расползающиеся этнические конфликты, доходящие до «этнических чисток», отнюдь не являются редкостью. Чаще всего они происходят между группами, относящимися к разным цивилизациям, и в этом случае принимают наиболее крайние формы. Исторически сложившиеся границы между цивилизациями евразийского континента вновь сейчас полыхают в огне конфликтов. Особого накала эти конфликты достигают по границам исламского мира, полумесяцем раскинувшегося на пространстве между Северной Африкой и Средней Азией. Но насилие практикуется и в конфликтах между мусульманами с одной стороны и православными сербами на Балканах, евреями в Израиле, индусами в Индии, буддистами в Бирме и католиками на Филиппинах — с другой. Границы исламского мира везде и всюду залиты кровью.

Группы или страны, принадлежащие к одной цивилизации, оказавшись вовлеченными в войну с людьми другой цивилизации, естественно, пытаются заручиться поддержкой представителей своей цивилизации. Следующая мировая война, полагает С. Хантингтон, если она разразится, будет войной между цивилизациями.

По отношению к другим цивилизациям Запад находится сейчас на вершине своего могущества. Советская держава — в прошлом его оппонент — исчезла с политической карты мира. Военный конфликт между западными странами немыслим. Военная мощь Запада не имеет себе равных. Если не считать Японии, у Запада нет экономических соперников. Запад главенствует в политической сфере, в сфере безопасности, а совместно с Японией — и в сфере экономики. Мировые политические проблемы и проблемы безопасности эффективно разрешаются под руководством США, Великобритании и Франции, мировые экономические проблемы — под руководством США, Германии и Японии.

Все эти страны имеют самые тесные отношения друг с другом, не допуская в свой круг страны поменьше. Так, по крайней мере, видят сегодняшний мир незападные страны, и в их взгляде есть значительная доля истины. Различия

в масштабах власти и борьба за военную, экономическую и политическую власть являются, таким образом, одним из источников конфликта между Западом и иными цивилизациями.

Другой источник конфликта — различия в культуре, в базовых ценностях и верованиях. В. С. Нейпол, американский исследователь, утверждал, что западная цивилизация универсальна и годится для всех народов. На поверхностном уровне многое из западной культуры действительно пропитало остальной мир. Но на глубинном уровне западные представления и идеи фундаментально отличаются от тех, которые присущи другим цивилизациям. В исламской, конфуцианской, японской, индуистской, буддистской и православной культурах почти не находят отклика такие западные идеи, как индивидуализм, либерализм, конституционализм, права человека, равенство, свобода, верховенство закона, демократия, свободный рынок, отделение церкви от государства.

Усилия Запада, направленные на пропаганду этих идей, зачастую вызывают враждебную реакцию против «империализма прав человека» и способствуют укреплению исконных ценностей собственной культуры. Об этом, в частности, свидетельствует поддержка религиозного фундаментализма молодежью незападных стран. Да и сам тезис о возможности «универсальной цивилизации» — это западная идея. Она находится в прямом противоречии с партикуляризмом большинства азиатских культур, с их упором на различия, отделяющие одних людей от других. И действительно, как показало сравнительное исследование значимости ста ценностных установок в различных обществах, «ценности, имеющие первостепенную важность на Западе, гораздо менее важны в остальном мире». В политической сфере эти различия наиболее отчетливо обнаруживаются в попытках Соединенных Штатов и других стран Запада навязать народам других стран западные идеи демократии и прав человека. Если они и утвердились кое-где в незападных странах, то лишь как следствие западного колониализма или нажима.

По мнению С. Хантингтона, центральной осью мировой политики в будущем станет конфликт между «Западом и остальным миром», как выразился арабский ученый К. Махбубани, и реакция незападных цивилизаций на западную мощь и ценности. Такого рода реакция, как правило, принимает одну из трех форм или же их сочетание.

Во-первых, и это самый крайний вариант, незападные страны могут последовать примеру Северной Кореи или Бирмы и взять курс на изоляцию — оградить свои страны от западного проникновения и в сущности устраниться от участия в жизни мирового сообщества, где доминирует Запад. Но за такую политику приходится платить слишком высокую цену, и лишь немногие страны приняли ее в полном объеме.

Вторая возможность — попробовать примкнуть к Западу и принять его ценности и институты. В теории международных отношений это называется «вскочить на подножку поезда».

Третья возможность — попытаться создать противовес Западу, развивая экономическую и военную мощь и сотрудничая с другими незападными странами. Одновременно можно сохранять исконные национальные ценности и институты — иными словами, модернизироваться, но не вестернизироваться.

Как полагает С. Хантингтон, в будущем, когда принадлежность к определенной цивилизации станет основой самоидентификации людей, страны, население которых представляют несколько цивилизационных групп, вроде Советского Союза или Югославии, будут обречены на распад. Однако есть и внутренне расколотые страны — относительно однородные в культурном отношении, но в них нет согласия по вопросу о том, к какой именно цивилизации они принадлежат. Их правительства, как правило, хотят «вскочить на подножку поезда» и примкнуть к Западу, но история, культура и традиции этих стран ничего общего с Западом не имеют.

Чтобы расколотая изнутри страна смогла заново обрести свою культурную идентичность, должны быть соблюдены три условия. Во-первых, необходимо, чтобы политическая и экономическая элита этой страны в целом поддерживала и приветствовала такой шаг. Во-вторых, ее народ должен быть согласен, пусть неохотно, на принятие новой идентичности. В-третьих, господствующие группы той цивилизации, в которую расколотая страна пытается влиться, должны быть готовы принять «новообращенного».

Препятствия, встающие на пути присоединения незападных стран к Западу, варьируются по степени глубины и сложности. Для стран Латинской Америки и Восточной Европы они не столь уж велики. Для православных стран бывшего Советского Союза — гораздо значительнее. Но самые серьезные препятствия встают перед мусульманскими, конфуцианскими, индуистскими и буддистскими народами. Японии удалось добиться единственной в своем роде позиции ассоциированного члена западного мира. В каком-то отношении она входит в число западных стран, но, несомненно, отличается от них по своим важнейшим измерениям.

Те страны, которые по соображениям культуры или власти не хотят или не могут присоединиться к Западу, конкурируют с ним, наращивая собственную экономическую, военную и политическую мощь. Они добиваются этого и за счет внутреннего развития, и за счет сотрудничества с другими незападными странами. Самый известный пример такого сотрудничества — конфуцианско-исламский блок, сложившийся как вызов западным интересам, ценностям и мощи.

Конфликт между Западом и конфуцианско-исламскими государствами в значительной мере (хотя и не исключительно) сосредоточен вокруг проблем ядерного, химического и биологического оружия, баллистических ракет и других сложных средств доставки такого оружия. Таким образом, сложился конфуцианско-исламский военный блок. Его цель — содействовать своим членам в приобретении оружия и военных технологий, необходимых для создания

противовеса военной мощи Запада. Будет ли он долговечным — неизвестно. Но на сегодня между исламо-конфуцианскими странами и Западом разворачивается новый виток гонки вооружений.

Хантингтон не утверждает, что цивилизационная идентичность заменит все другие формы идентичности, что нации-государства исчезнут, каждая цивилизация станет политически единой и целостной, а конфликты и борьба между различными группами внутри цивилизаций прекратятся. Слагаемые его гипотезы таковы: 1) противоречия между цивилизациями важны и реальны; 2) цивилизационное самосознание возрастает; 3) конфликт между цивилизациями придет на смену идеологическим и другим формам конфликтов в качестве преобладающей формы глобального конфликта; 4) международные отношения, исторически являющиеся игрой в рамках западной цивилизации, будут всё больше девестернизироваться (отходить от европейской модели) и превращаться в игру, где незападные цивилизации станут выступать не как пассивные объекты, а как активные действующие лица.

Можно обозначить и другие компоненты этой концепции. По мнению С. Хантингтона, эффективные международные институты в области политики, экономики и безопасности будут складываться скорее внутри цивилизаций, чем между ними. Конфликты между группами, относящимися к разным цивилизациям, будут более частыми, затяжными и кровопролитными, чем конфликты внутри одной цивилизации. Вооруженные конфликты между группами, принадлежащими к разным цивилизациям, станут наиболее вероятным и опасным источником напряженности, потенциальным источником мировых войн. Главными осями международной политики станут отношения между Западом и остальным миром. Политические элиты некоторых расколотых независимых стран постараются включить их в число западных, но в большинстве случаев им придется столкнуться с серьезными препятствиями. В ближайшем будущем очагом конфликтов будут взаимоотношения между Западом и рядом исламско-конфуцианских стран.

Если эта гипотеза верна, что означает это для западной политики? Если исходить из соображений краткосрочной выгоды, интересы Запада требуют: 1) укрепления сотрудничества и единства в рамках собственной цивилизации, прежде всего между Европой и Северной Америкой; 2) интеграции в состав Запада стран Восточной Европы и Латинской Америки, чья культура близка западной; 3) поддержания и расширения сотрудничества с Россией и Японией; 4) предотвращения разрастания локальных межцивилизационных конфликтов в полномасштабные войны между цивилизациями; 5) ограничения роста военной мощи конфуцианских и исламских стран; 6) замедления сокращения их военного превосходства в Восточной и Юго-Западной Азии; 7) использования конфликтов и разногласий между конфуцианскими и исламскими странами; 8) поддержки представителей других цивилизаций, симпатизирующих западным ценностям и интересам; 9) укрепления международных институтов, отра-

жающих и легитимирующих западные интересы и ценности, и привлеченных к участию в этих институтах незападных стран.

В долгосрочной же перспективе Хантингтон предлагает ориентироваться на другие критерии. Незападные цивилизации попытались стать современными, не становясь западными. Но до сих пор лишь Японии удалось добиться в этом полного успеха. Незападные цивилизации и впредь не оставят своих попыток обрести богатство, технологию, квалификацию, оборудование, вооружение — всё то, что входит в понятие «быть современным».

Но в то же время они стараются сочетать модернизацию со своими традиционными ценностями и культурой. Их экономическая и военная мощь будет возрастать, отставание от Запада сокращаться. Западу всё больше и больше придется считаться с этими цивилизациями, близкими по своей мощи, но весьма отличными по ценностям и интересам. Это потребует поддержания его потенциала на уровне, который будет обеспечивать защиту интересов Запада в отношениях с другими цивилизациями. Но от Запада потребуется и более глубокое понимание фундаментальных и философских основ этих цивилизаций. Он должен будет понять, как люди этих цивилизаций представляют себе собственные интересы. Необходимо найти элементы сходства между западной и другими цивилизациями. Ибо в обозримом будущем не сложится единой универсальной цивилизации. Напротив, мир будет состоять из непохожих друг на друга цивилизаций, и каждой из них придется учиться сосуществовать со всеми остальными.

Своей концепцией «столкновения цивилизаций» С. Хантингтон бросил вызов многим устоявшимся представлениям о характере происходящих и потенциальных глобальных и региональных противостояний, а также предложил новую парадигму для теоретического исследования и прогнозирования миропорядка на рубеже XX и XXI вв. Это одна из представленных за последнее десятилетие научных концепций, в которых дана общая картина мира.

Неудивительно, что новаторские геополитические идеи С. Хантингтона сразу же вызвали мощную волну научных дискуссий. Не остались в стороне и политики из многих стран мира. Разумеется, первые полемические отклики касались прежде всего частных аспектов новой концепции: критики цивилизационного подхода С. Хантингтона вряд ли смогли оперативно выдвинуть альтернативную модель столь же высокого научного уровня. Видимо, они и не ставили это своей целью. Не так уж много убедительных аргументов было собрано в пользу нынешнего понимания состояния и перспектив мировой политики, которое, вполне вероятно, после выступления С. Хантингтона может получить эпитет «традиционного».

С. Хантингтон — один из наиболее авторитетных политологов мира — и сам понимал, что полемизировать с его концепцией «столкновения цивилизаций» убедительнее всего можно с помощью выдвижения иной целостной теории, альтернативной не только его идеям, но и устаревшей парадигме холодной

войны, которую, по его мнению, «драматические события последнего пятилетия превратили в достояние интеллектуальной истории».

Однако отдельные аспекты концепции ученого вызывают критические вопросы. Цивилизации существуют испокон века. Почему же только сейчас они бросают вызов мировому порядку? Хотя их роль и влияние действительно меняются, но оценка этих изменений зависит от позиции исследователя. Поэтому цель цивилизационной модели — прежде всего привлечь внимание западной общественности к тому, как всё это воспринимается в мире.

Методология С. Хантингтона не нова. Еще в 40-х гг. XX в. ее использовал А. Тойнби. На взгляд С. Хантингтона, нереальной является парадигма единого мира, где существует или в ближайшее время возникнет универсальная цивилизация. Очевидно, что люди ныне обладают, как и обладали в течение тысячелетий, общими чертами, которые отличают их от других существ. Эти черты всегда были совместимы с существованием множества разных культур. Довод о том, что сейчас рождается универсальная культура или цивилизация, принимает разнообразные формы, но ни одна из них не выдерживает даже беглого анализа, поскольку только всемирная власть способна создать всемирную цивилизацию, как в свое время римское могущество породило почти что универсальную цивилизацию, но только в ограниченных пределах Древнего мира.

Итак, на рубеже третьего тысячелетия научному, политическому и информационному сообществу предложена версия новой парадигмы теоретического осмысления и прогнозирования мирового порядка. Отечественные оппоненты С. Хантингтона (А. С. Панарин, Е. Б. Рашковский) отмечают, что тезис о грядущем конфликте цивилизаций скорее постулируется, нежели обосновывается. Возникает вопрос: почему же цивилизационные конфронтации не имели места раньше, допустим, пятьдесят или сто лет назад? Речь может идти о возрастающем значении мировых цивилизаций в продолжающемся и чрезвычайно неравномерном всемирном процессе модернизации.

Западный регион по-прежнему является лидером мировой модернизации. Он уже вступил в постиндустриальную фазу. Тем не менее в западном типе общества накапливаются серьезные проблемы. Это и экология, и гипертрофированный культ потребления, и растущая примитивизация жизни в рамках массовой культуры. В незападных обществах на цивилизационный фактор ложится еще большая нагрузка, ибо в странах запоздалой модернизации многое зависит от того, насколько традиционные цивилизации и культуры способны в относительно короткий срок адаптироваться к изменениям, отобрать в самих себе современные ценности.

Возникает еще один вопрос: как же все-таки связана цивилизационная парадигма (идея плюрализма цивилизаций) с формационной парадигмой? Под последней имеется в виду любая концепция, признающая последовательность восходящих ступеней исторического развития. Иначе говоря, каким образом могут быть связаны пророчества С. Хантингтона с концепцией перехода от ин-

дустриального общества к постиндустриальному, информационному? Можно ли утверждать, что техноцентричная фаза сменяется культуроцентричной?

Современный человек существует в двух измерениях, он, по А. С. Панарину, — гетерогенное образование. С одной стороны, это «почвенный» человек, носитель своей культуры и традиции, а с другой стороны, любой современный человек несет в себе мировые импульсы, импульсы всеобщего духовного производства, т.е. выступает как всемирно-исторический индивид. Каждый из нас включает эти две «половины»: это и человек своей культуры, и всемирно-исторический человек.

Отечественные исследователи, в частности Е. Б. Рашковский, отмечают эвристическую ценность трех моментов в статье С. Хантингтона. Во-первых, действительно, к настоящему времени прежние лидирующие идеологии в мире истощены. Во-вторых, истощение идеологий приводит к высвобождению огромных социопсихологических энергий или, точнее, того неистовства, которое прежде формировалось и структурировалось идеологиями. В-третьих, в этой статье указывается на формирование особо напряженных узлов современного мира.

Цивилизация есть вполне оправданная, хотя и условная, единица трактовки истории, некий условный теоретический конструкт. Но этот конструкт выдается С. Хантингтоном за безусловную эмпирическую реальность: он насчитывает в современном мире семь или восемь цивилизаций. Рашковский критикует концепцию Хантингтона по трем позициям. Позиция первая: сложность внутреннего состава каждой из цивилизаций — какой бы наблюдатель ни очерчивал цивилизацию как понятие или как систему. В каждой из цивилизаций идет напряженная внутренняя борьба за господство над природными и людскими ресурсами, напряженная борьба за гегемонию в символической сфере — и не только в идеологических, но и в религиозных категориях. Весьма поучительный материал для размышления дает, скажем, история арабо-исламской цивилизации XX в. с ее внутренними раздорами.

Вторая позиция относится к внутренней динамике цивилизаций. Они обладают подвижностью, могут видоизменяться. Цивилизации находятся под воздействием западнических и почвеннических импульсов, рационализма и традиционализма. На протяжении XVIII–XX вв. такое взаимодействие прослеживается как одна из определяющих характеристик культурной динамики в незападных обществах. Это можно сказать о России, Турции, Латинской Америке, Японии, Индии, Ближнем Востоке.

По мнению Рашковского, указанное взаимодействие противоположно направленных импульсов остается универсальным. Более того, с XIX в. оно даже сумело утвердиться в западной культуре в виде коллизии мондиализма и западноцентризма. Эта коллизия становится существенной частью глубинного самосознания западной цивилизации.

Третья позиция, обоснованная Рашковским, заключается в зависимости современной трактовки традиционной проблематики от политической

конъюнктуры. Можно понять социоэкономические и психологические предпосылки религиозного фундаментализма и в исламском мире, и в православном, в индуизме и иудаизме.

Фундаментализм, если к нему присмотреться, чужд не только рационализму, но и традиционализму, ибо он не приемлет традицию в ее исторической изменяемости и данности. Он пытается утвердить традицию как нечто харизматически измышленное, закрепить традицию рациональными средствами. В этом смысле фундаментализм не консервативен, а предельно радикален.

С. Хантингтон спорит с концепцией «Конца истории» Ф. Фукуямы. В обеих работах, по мнению отечественного ученого В. П. Цымбурского, прозрачны знаки времени: спорящие идеологии состязаются в оспаривании классического имиджа «открытого общества», оба, можно сказать, закладывают мины сразу и под Поппера, и под Шпенглера с его «безграничностью» устремлений романогерманства. Ф. Фукуяма опровергает открытость своей цивилизации будущему, славя либерализм без альтернатив, который выпал из истории и нуждается в ней не больше левистроссовских индейцев. С. Хантинггон же опровергает ее космополитическую открытость осваиваемому ею миру, призывая Евро-Атлантику на вершине ее могущества признать неуниверсальность своих ценностей, вобрать в свои структуры культурно близкие себе народы и защищать эти ценности остальных именно как свои, а не как всемирные.

Отвечая оппонентам, С. Хантингтон указывал, что западное могущество в форме колониализма и американская гегемония в XX в. распространили западную культуру почти по всему современному миру. Европейский колониализм позади; американская гегемония отступает. По мере того как самоутверждаются местные, уходящие корнями в историю нравы, языки, верования и учреждения, западная культура подвергается эрозии. В течение 40 лет исследователи и практики международных отношений мыслили и действовали в соответствии с понятиями весьма упрощенной, но полезной картины мировых проблем — парадигмы холодной войны. Мир был разделен на группу относительно богатых и преимущественно демократических обществ, возглавляемых Соединенными Штатами и втянутых в широкий идеологический, политический, экономический и временами военный конфликт с другой группой несколько более бедных коммунистических обществ, руководимой Советским Союзом. В значительной мере конфликт разворачивался за пределами этих двух лагерей — в третьем мире, состоящем из стран в основном бедных, политически нестабильных, лишь недавно ставших независимыми и называющих себя неприсоединившимися. Парадигма холодной войны не могла охватить всего происходившего в мировых делах и временами не позволяла ученым и государственным деятелям увидеть важнейшие процессы, например китайско-советский раскол. Но как простая модель глобальной политики она охватывала больше важных явлений, чем любая из ее соперниц. Она служила необходимой отправной точкой для осмысления международных проблем; в конце концов,

она была принята почти всеми и в течение двух поколений формировала осмысление мировой политической жизни.

Объясняя, что заставило его взяться за разработку новой модели, Хантингтон пишет: «Когда люди думают серьезно, они думают абстрактно; они оперируют с упрощенными картинками действительности, которые зовутся концепциями, теориями, моделями, парадигмами». По словам Уильяма Джеймса, если нет такого интеллектуального материала, то остается лишь «цветущая и жужжащая неразбериха». Как показал в своем классическом труде «Структура научной революции» Томас Кун, интеллектуальное и научное продвижение заключается в вытеснении одной парадигмы, становящейся всё менее способной объяснить новые или вновь открытые факты, новой парадигмой, которая более удовлетворительным образом их толкует. «Для того чтобы быть принятой в качестве парадигмы, — писал Кун, — теория должна выглядеть лучше, чем ее соперники, но от нее не требуется объяснять все факты, с которыми она может быть сопоставлена». Однако аномальные явления не искажают парадигмы: она «отрицается только созданием альтернативной парадигмы, которая позволяет учесть больше основных фактов во в равной степени простых или более простых понятиях (при сопоставимом уровне интеллектуального обобщения более сложная теория всегда позволит учесть больше явлений, чем более ограниченная). Порожденные цивилизационной парадигмой споры в мире подтверждают, что в определенной мере она попала в цель; она либо соответствует тому, как люди видят действительность, либо же настолько близка к их ви́дению, что не приемлющие ее вынуждены на нее нападать». В ответ Хантингтон пишет о «карте нового мира»: «Какие объединения стран будут наиболее влиятельны в мировых делах и наиболее существенны для понимания и наделения смыслом мировой политики? Страны более не принадлежат к свободному миру, коммунистическому блоку либо третьему миру. Простейшее размежевание этих стран на бедные и богатые или демократические и недемократические может отчасти помочь, но недостаточно». Ныне глобальная политика настолько усложнилась, что ее невозможно запихнуть в две ячейки. Естественными восприемниками трех миров времен холодной войны стали цивилизации. В международной повестке дня межцивилизационные проблемы постепенно выходят на первое место, вытесняя проблемы сверхдержав. Они включают такие вопросы, как распространение вооружений (в особенности массового уничтожения и средств их доставки), права человека и иммиграция. По этим трем проблемам Запад находится на одной стороне, а большая часть других крупнейших цивилизаций мира — на другой. Президент Клинтон настаивал в ООН на наращивании усилий по ограничению ядерных и иных средств массового уничтожения. А исламские и конфуцианские государства рвутся вперед, стремясь их приобрести. Россия занимает двойственную позицию. Границы между цивилизациями почти полностью соответствуют пределу, до которого идут страны в защите прав человека: Запад и Япония весьма оберегают права человека. Латинская

Америка, Индия, Россия и часть Африки защищают лишь некоторые из этих прав. Китай, многие азиатские страны и большинство мусульманских обществ в меньшей мере оберегают права человека. Растущая иммиграция из незападных источников вызывает как в Европе, так и в Америке всё большую озабоченность. Помимо Германии, уже и другие европейские страны ужесточают ограничения на въезд, в то время как преграды на пути перемещения людей внутри Европейского сообщества быстро исчезают. В Соединенных Штатах новые волны массовой иммиграции порождают поддержку требования усиленного контроля над ней, несмотря на тот факт, что большинство исследований подтверждает положительный вклад иммигрантов в американскую экономику.

С. Хантингтон считает: «Цивилизационный подход в значительной мере объясняет и упорядочивает "цветущую и жужжащую неразбериху" мира после "холодной войны", и именно по этой причине привлек столь большое внимание и породил в мире столь оживленные споры. Может ли любая иная парадигма дать лучший результат? Если не цивилизации, то что? Отклики в "Форин Афферс" на мою статью не дали альтернативной картины мира».

Следующая группа критических замечаний касается основного потенциала и источников теперешних и будущих конфликтов, а также того, будут ли они непременно проходить по линиям «цивилизационных разломов». В этом контексте критики модели Хантингтона чаще всего ссылаются на существование внутрицивилизационных противоречий либо на факты «сотрудничества» цивилизаций.

Конфликт идеологий действительно пришел к концу, и причиной современных конфликтов всё больше становятся политические и экономические интересы, однако ни цивилизации, ни культуры пока еще не явились «основным источником конфликтов в новом мире, который сегодня сильно напоминает существовавший в 1930-е гг.» (Р. Бартли). По С. Хантингтону, нации будут биться за цивилизационные связи и верность цивилизации. На деле они скорее будут драться за свою долю на рынке, учиться конкурировать в рамках мировой экономики, бороться за занятость и ликвидацию нищеты (Ф. Аджами). Не доказан тезис о том, что наиболее кровавые конфликты в истории вызывались именно противоречиями между цивилизациями. Конфликты всегда происходили преимущественно внутри цивилизаций, которые и сегодня не монолитны, а скорее являются беспорядочными, внутренне расколотыми образованиями (Ф. Аджами). В связи с этим верно ли, что основной потенциал конфликтов заложен в отношениях между цивилизациями, а не внутри них? К примеру, война в Персидском заливе — не в большей степени столкновение цивилизаций, нежели Вторая мировая война или войны в Корее и Вьетнаме: это одна мусульманская страна напала на другую. Даже если между исламской и иудео-христианской цивилизациями имеются серьезные социальные, культурные и политические противоречия, то они еще значительнее внутри самого мусульманского мира (Дж. Киркпатрик). Также нельзя рассчитывать, что ци-

вилизационное единство консолидирует конфуцианский мир (Р. Бартли), тем более что в Юго-Восточной Азии конфуцианская цивилизация ныне преимущественно занята экономикой, а отнюдь не религией и культурой (Ф. Аджами). Помимо сил дезинтеграции сейчас действуют мощные силы глобальной интеграции. Для большинства стран задача не в том, чтобы разграничить цивилизации, но чтобы соединить их. Без этого бывшим колониям не решить проблем бедности и голода (Р. Бартли). Вместе с тем в том, что касается сотрудничества цивилизаций, исламско-конфуцианский блок — это скорее жупел для Запада, в памяти которого сохранились татаро-монгольские и мусульманские набеги: не означает же продажа американского оружия Саудовской Аравии наличия христианско-исламского блока (К. Махбубани).

Хантингтон, в свою очередь, уверен, что говорить об «успокоении» мира после холодной войны невозможно. «Куда ни повернешься, мир везде не в ладах с самим собой. Если в этом виновны не цивилизационные различия, то что же? Критики цивилизационной парадигмы не дали лучшего объяснения тому, что происходит в мире. Напротив, цивилизационная парадигма вызвала повсеместно сочувственный отклик. В Азии, как сообщил один американский посол, она "распространяется как степной пожар". В Европе председатель Европейского сообщества Жак Делор ясно поддержал довод, что "будущие конфликты станут вспыхивать скорее из-за культурных факторов, чем из-за идеологии или экономики", и предупредил: "Западу требуется достичь более глубокого понимания религиозных и философских оснований иных цивилизаций и того, как другие нации видят собственные интересы, выявить то, что есть у нас общего". Мусульмане, в свою очередь, увидели в "столкновении" признание и в какой-то мере легитимацию своеобразия их собственной цивилизации и ее независимости от Запада. То, что цивилизации являются значимыми целостностями, согласуется с тем, как люди осмысливают действительность и живут в ней».

В статье «Столкновение цивилизаций?», где впервые была изложена цивилизационная парадигма, в ее рамках рассматривалось большинство важнейших процессов международной жизни последних лет. Отвечая критикам, Хантингтон подкрепил свою позицию новым списком конфликтов и событий, произошедших в мире за несколько месяцев после написания первой статьи, — все они могут быть интерпретированы в духе его цивилизационной парадигмы или предсказаны на ее основании. Очевидно, что этот список мог бы быть существенно дополнен новыми фактами и событиями мировой политики, подтверждающими глубокую убежденность Хантингтона, что люди всё больше склонны «умирать за культуру», чем за какие-то иные, возможно, более прагматические интересы. Так озаглавлен последний раздел его второй статьи, в котором он пишет: «История не окончилась. Мир не един. Цивилизации объединяют и разъединяют человечество. Силы, ведущие к столкновению между цивилизациями, можно сдерживать только в том случае, когда они установлены. <...> В конечном счете, людям особенно важны не экономические интересы

или политическая идеология (это — косвенный ответ Р. Бартли). Вера и семья, кровь и предания — вот с чем идентифицируют себя люди и вот ради чего они будут сражаться и умирать. И вот почему столкновение цивилизаций вытесняет холодную войну как центральное явление мировой политики, а цивилизационная парадигма (лучше, чем любая ее альтернатива) обеспечивает полезную исходную точку для понимания происходящих в мире изменений и для того, чтобы с ними справиться». Возникает, однако, вопрос, задаваемый Хантингтону почти всеми участвующими в дискуссии: насколько универсальна его цивилизационная модель? Способна ли перспектива «столкновения цивилизаций» охватить все значительные события в международных делах хотя бы за несколько месяцев? Конечно же, нет, — вновь подтвердил сам ее автор: «Например, можно поспорить, что соглашение между Организацией освобождения Палестины и израильским правительством о секторе Газа и Иерихоне является драматической аномалией цивилизационной парадигмы; в определенном смысле так и есть на самом деле. Однако подобное событие не обесценивает цивилизационный подход: оно исторически значимо именно в силу того, что произошло между группами, принадлежащими к двум различным цивилизациям, которые сражались между собой свыше четырех десятилетий. Перемирия и ограниченные соглашения являются в такой же мере частью межцивилизационных столкновений, как советско-американские договоры по контролю за вооружениями были частью холодной войны; и хотя конфликт между арабами и израильтянами может быть ограничен определенными рамками, он все-таки продолжается». Очередную группу критических суждений следовало бы определить так: может быть, все-таки нациям-государствам (продукту западной цивилизации) и впредь будет принадлежать главенство в мировой политике, ведь мир буквально «пропитан» западной культурой, ее влияние растет, свидетельством чему являются модернизационные процессы и распространение демократии. В этом же контексте оппоненты Хантингтона рассматривают и проблемы фундаментализма, считая их преувеличенными западной общественностью[1].

США становятся в этническом и расовом отношениях всё более многообразной страной. По оценкам Бюро переписи населения, к 2050 г. американское население будет на 23% испанского происхождения, на 16 — чернокожим и на 10% — азиатско-американским. В прошлом Соединенные Штаты успешно поглотили миллионы иммигрантов из многих стран, потому что те адаптировались к преимущественно европейской культуре и с энтузиазмом принимали американский «символ веры», включающий свободу, равенство, индивидуализм и демократию. Будет ли и впредь преобладать эта тенденция, когда 50% населения составят лица латиноамериканского происхождения или не белые? Будут ли новые переселенцы ассимилированы прежде доминировавшей европейской культурой Соединенных Штатов? Если нет, если Соединенные Штаты станут истинно многокультурными, страдающими от внутреннего конфликта цивилизаций, то уцелеют ли они как либеральная демократия? Политическая

идентичность США уходит корнями в принципы, выраженные в их основополагающих документах. Будет ли девестернизация Соединенных Штатов, если она произойдет, одновременно означать деамериканизацию? Если это случится, если Америка перестанет придерживаться своей либерально-демократической, имеющей европейские корни идеологии, Соединенные Штаты, как мы их знаем, перестанут существовать и последуют на свалку истории за другой идеологически мотивированной сверхдержавой».

Таким образом, со времени первых теоретических исследований по проблемам цивилизации в этой области достигнут значительный прогресс. По мере усложнения цивилизационных реалий появлялись всё более совершенные теории. Создание новых схем и моделей продолжается и в настоящее время. С конца XX в. оно несколько отстает от темпов развития самой цивилизации. Всё более настойчиво дает о себе знать глобализация. Взаимозависимость стран, народов, отдельных групп и личностей становится неоспоримым фактом и требует объяснения. Потребность в объяснении — это потребность в теории, а теория — это сеть, которой можно поймать и в которую можно попасться.

Крупнейшим водоразделом современной истории можно считать начало перехода от индустриальной к постиндустриальной цивилизации в последней четверти XX в. Для сложившейся в течение XX в. дилеммы капитализм–социализм история выбрала третье решение: становление постиндустриального общества.

Постиндустриальное общество лишь вступило в стадию своего становления, и в настоящее время трудно прогнозировать дальнейшие пути цивилизационного развития и преодоления тех кризисных явлений, которое оно частью унаследовало от индустриального общества, частью порождает само. Можно, однако, уже сегодня наметить ряд тенденций развития постиндустриальной цивилизации, которые становятся ее отличительными чертами и, возможно, будут определять характер ее развития.

Первой такой тенденцией выступает, как говорилось ранее, сложная диалектика интеграционных и дезинтеграционных процессов. Уходят в прошлое промышленные гиганты, интенсивно развивается малый и средний бизнес, сохраняется многоукладность экономики, возрастает роль домашнего и личного подсобного хозяйства и вместе с этим формируются, укрепляются и вступают в острую конкурентную борьбу транснациональные корпорации, стремящиеся охватить весь мир, складываются три центра мирового хозяйства, также вступившие в острое конкурентное противостояние за влияние в глобальном масштабе. В то же время всё большей утопией при современном уровне развития мирового хозяйства становится стремление к доминированию в глобальном масштабе какой-либо отдельной страны или одного мирового хозяйственного центра.

Второй тенденцией выступает новая, сложная динамика в государственных, социальных и национальных отношениях. Объективно интернационализация экономики приводит к межгосударственной интеграции, но в то же время

в рамках этой интеграции углубляется противоречие между государственными и межгосударственными (в том числе негосударственными) институтами, которые начинают играть всё бóльшую роль. Ряд ученых высказывает даже достаточно аргументированное положение о постепенном отмирании государства как тенденции постиндустриальной цивилизации. В то же время наблюдается процесс обострения национальных противоречий как в рамках отдельных государств, так и на межгосударственном уровне, что стимулирует укрепление государственной власти в ряде стран вследствие обострения национального фактора, в ряде стран — для разрешения национальных проблем.

Позиция человека в системе социально-экономических отношений также характеризуется двойственностью и противоречивостью. Развитие гуманистических и демократических начал во многих государствах, избавление человека, особенно в развитых странах, от необходимости быть винтиком в крупных производственных или социальных структурах, изменение технологического способа производства, расширение сферы квалифицированного и интеллектуального труда и возможностей получить соответствующее образование и профессиональную подготовку, естественно, позволяет человеку занимать более независимую и защищенную в экономическом и социальном плане позицию. Но вместе с этим углубляется социальная стратификация, социальные противоречия не только сохраняются, но достигают особенной остроты в переходные периоды.

Третьей тенденцией является современная диалектика становления ноосферы разума как отличительной черты и в то же время объективной потребности развития постиндустриальной цивилизации. Знание, способность его хранить, концентрировать, приобретать, обмениваться, добывать качественно новое знание, играет всё бóльшую, если не доминирующую роль в развитии постиндустриальной цивилизации. Не случайно постиндустриальная цивилизация получила и другое название — информационная цивилизация. Соответственно, развитие науки, сфер интеллектуальной деятельности приобретает ключевую роль. Современные высокие технологии, без которых уже невозможно не только развитие, но и существование всех основных сфер человеческой жизнедеятельности, продукт современного интеллекта, его материализация. Это породило острую потребность в эффективном массовом образовании как базе для развития необходимого интеллектуального и культурного потенциала постиндустриальной цивилизации, и в то же время стимулировало углубление кризиса образования, так как образовательные концепции, технологии и системы уже во многом не соответствуют требованиям нового времени.

Своеобразным проявлением и развитием этого противоречия стало намечающееся отделение интеллектуальной подготовленности личности от ее общей культуры. Кризис культуры в целом, развитие массовой культуры и различных контркультур, девальвация старых эстетических и этических идеалов и ценностей при мучительном поиске новых, способны привести к тому, что

Homo sapiens (человек разумный) может сделать шаг назад к особому типу Homo habilis (человек умелый), т.е. типу личности, владеющему определенным объемом информации, навыками и умениями интеллектуальных операций, необходимых для профессиональной деятельности и в то же время демонстрирующему узкое, шаблонное личное культурно-этическое поле и неспособность к творчеству в духовной сфере.

Таким образом, для наших дней характерен сложный двуединый процесс цивилизационного развития. Постиндустриальная цивилизация, проходя через проблемы и кризисы, накапливает потенциал возможностей разрешения их, что создает предпосылки для оптимистического прогноза дальнейшего развития мировой цивилизации.

Примечание

Не цивилизации контролируют государства, а государства контролируют цивилизации; братские узы поддерживаются тогда, когда это выгодно, когда же нет, о них забывают, — главные тезисы выступления Ф. Аджами. Основным действующим лицом на международной сцене продолжают и будут продолжать оставаться нации-государства, о чем писал еще Р. Арон, верно спрогнозировавший в свое время «конец идеологий» (А. Уикс). Культура Запада пронизала все цивилизации; даже наиболее отдаленные из них создавались и переделывались Западом — и это непреодолимо (Ф. Аджами). Возрастающее значение конфуцианства в Китае несравнимо с тем мощным влиянием, которое там имеет западная массовая культура (Ли Биньянь). В мире нет нового лидера, никто не способен взять на себя принадлежащую Западу ведущую роль в мировых делах. Отступление Запада может нанести не меньший вред, чем его полное господство. Важно и то, что в послевоенный период лидерство Запада было неагрессивным, миротворческим. Вместе с тем западные ценности не образуют сплошную ткань: некоторые из них хороши, другие — плохи. Но для того чтобы это отчетливо понять, нужен взгляд извне западной цивилизации (К. Махбубани). Противопоставляемые Хантингтоном Западу иные цивилизации — это страны, развивающиеся или находящиеся в переходном состоянии. Все они стремятся достичь западной модели (Дж. Пайл). Все конфликты в мусульманской цивилизации — это родовые муки модернизации. Исламский мир с трудом движется по этому пути (К. Махбубани). Модернизация, как правило, означает вестернизацию (Дж. Киркпатрик). В Европе и Америке развивается паранойя по поводу ислама — «силы зла и страха, угрозы христианской цивилизации», которая повлияла и на Хантингтона. Но во всех конфликтах с прозападными силами мусульмане терпят поражение: в Азербайджане, Палестине, Иране, Ираке, наконец в Боснии (К. Махбубани). Фундаментализм и традиционализм поверхностны, особенно в сравнении с западным влиянием. Феномен,

который мы характеризуем как «исламский фундаментализм», — свидетельство не столько возрождения ислама, сколько его паники и замешательства, может быть, даже ощущения вины за стирающиеся границы с другими цивилизациями (Ф. Аджами). Повсеместно утверждаются демократические режимы — сейчас только 31 % мирового народонаселения живет в условиях репрессивных режимов, и эта цифра — в основном за счет Китая. А демократические страны, как пишет сам Хантингтон, не воюют. Оптимистический прогноз на XXI в.: экономический прогресс порождает потребность в демократических режимах, глобальные информационные сети уменьшают свободу рук и произвол репрессивных режимов, демократия снимает вероятность войны (Р. Бартли). Не только для Китая, но и для большинства других цивилизаций основная задача, которую не заметил Хантингтон, — как справиться с моральным вакуумом (Ли Биньянь). Суть задачи, стоящей перед новой эпохой — добиться баланса между реальной политикой и моралью (Р. Бартли). С. Хантингтон возражает: мои критики не выдвигают никакой иной парадигмы; в лучшем случае они подсказывают одну псевдоальтернативу и одну нереальную альтернативу (в последнем случае, видимо, имеется в виду «оптимистический прогноз» Р. Бартли). «Псевдоальтернативой служит этатистская парадигма, выстраивающая совершенно искусственное противопоставление государств и цивилизаций. <...> Говорить о государствах и цивилизациях в понятиях “контроля” бессмысленно. Конечно, государства пытаются уравновесить могущество, но если бы они делали только это, то в конце 1940-х гг. западноевропейские страны соединились бы с Советским Союзом против Соединенных Штатов. Но государства отвечают прежде всего на осознанную угрозу, а тогда западноевропейские государства видели идеологическую и политическую угрозу с Востока. В моей начальной статье доказывается, что цивилизации состоят из одного либо многих государств, тогда как “на мировой арене наиболее могущественными действующими лицами останутся нации-государства”. Как в эпоху “холодной войны” нации-государства принадлежали в своей массе к одному из трех миров, так они принадлежали и к цивилизациям. После кончины трех миров нации-государства в растущей степени определяют свои интересы и свою идентичность в цивилизационных понятиях, а западноевропейские народы и государства видят, что ныне культурная угроза с Юга вытесняет идеологическую угрозу с Востока. Мы живем не в мире стран, который можно охарактеризовать (по словам Аджами) через “одиночество государств” без каких-либо связей между собой. Наш мир состоит из перекрывающих друг друга группировок государств, соединенных вместе общностью истории, культуры, языка, расположения и учреждений. На более широком уровне подобные объединения и представляют собой цивилизации. Отрицать их существование — значит отрицать реальные основы человеческого бытия».

В своем ответе оппонентам Хантингтон связал воедино темы демократии, модернизации, упадка, по его мнению, влияния Запада на общем фоне

усиливающегося фундаментализма разного толка и многообразных культурно-интегралистских тенденций внутри цивилизаций. Он также косвенно полемизирует с весьма популярной до сих пор концепцией «конца истории» Ф. Фукуямы.

«Во-первых, существует мнение, что крах советского коммунизма означает конец истории или повсеместную победу либеральной демократии в мире. Этот довод страдает от ошибочности Единой Альтернативы. Он коренится в характерном для эпохи холодной войны допущении, что единственной альтернативой коммунизму является либеральная демократия, следовательно, из кончины первого рождается универсализм второй. Впрочем, очевидно, что существует множество форм авторитаризма, национализма, корпоративизма и рыночного коммунизма (как в Китае), которые живы и чувствуют себя хорошо в современном мире. Более важно, что имеются еще и все эти религиозные альтернативы, которые находятся вне мира, воспринимаемого в понятиях светских идеологий. В современном мире религия — это центральная, возможно, самая центральная сила, мотивирующая людские поступки и мобилизующая людей. Полная нелепость думать, что раз советский коммунизм провалился, Запад навсегда покорил мир.

Во-вторых, предполагается, что растущее взаимодействие — более развитые коммуникации и транспорт — создает общую культуру. Может, так бывает при определенных обстоятельствах. Но войны чаще происходят между государствами с высоким уровнем взаимодействия, которые, укрепляя самоидентификацию, часто вызывают реакцию сопротивления и противоборство.

В-третьих, имеется допущение, что модернизация и экономическое развитие способствуют укреплению однородности и порождают общую современную культуру, близко схожую с той, что существует на Западе в текущем столетии. Ясно, что современные городские, образованные, богатые, промышленные общества наделены общими чертами, которые отличают их от отсталых, аграрных, бедных неразвитых обществ. В современном мире большинство модернизированных обществ составляли западные. Но модернизация неравнозначна вестернизации. Япония, Сингапур и Саудовская Аравия являются современными, процветающими, но явно не вестернизированными обществами. Презумпция Запада, что по мере модернизации другие народы станут такими же “как мы”, — это частица западного высокомерия, иллюстрирующего столкновение цивилизаций. Утверждать, что словенцы и сербы, арабы и евреи, индусы и мусульмане, русские и таджики, тамилы и сингалезцы, тибетцы и китайцы, японцы и американцы вместе принадлежат к единой универсальной цивилизации западного толка — это бросить вызов действительности...»

Западное могущество в форме колониализма и американская гегемония в XX в. распространили западную культуру почти по всему современному миру. Европейский колониализм позади; американская гегемония отступает.

По мере того, как самоутверждаются местные, уходящие корнями в историю нравы, языки, верования и учреждения, западная культура подвергается эрозии (см.: «Цивилизационная модель» международных отношений и ее импликации. Научная дискуссия в редакции «Полиса» по теме статьи Сэмюэля Хантингтона «Столкновение цивилизаций?» // Полис. 1995. № 1. С. 24–46).

За упадком западного могущества воспоследует — и это уже началось — отступление западной культуры. Стремительно возрастающая экономическая сила восточноазиатских государств приведет, по утверждению К. Махбубани, к укреплению военной мощи, политического влияния, их культурному самоутверждению. Его коллега размышлял над этим процессом с точки зрения прав человека: «Усилия по продвижению прав человека в Азии должны учитывать изменение в соотношении сил в мире после холодной войны... Значительно сократились западные средства давления на Восточную и Юго-Восточную Азию... Заметно сузилось поле для выдвижения условий и санкций, чтобы принудить к соблюдению прав человека... Впервые с тех пор, как в 1948 г. была принята Всеобщая декларация прав человека, в первый ряд вышли страны, не пропитавшиеся глубоко иудео-христианскими традициями и традициями естественного права. Эта беспрецедентная ситуация определит новую международную политическую линию в подходе к правам человека. Она же умножит поводы для конфликтов... Экономический успех породил и большую уверенность в собственной культуре. Несмотря на все их различия страны Восточной и Юго-Восточной Азии всё в большей степени осознают собственные цивилизации и тяготеют к тому, чтобы увязывать свой экономический успех с их отличающимися от прочих традициями и учреждениями. Население востока и юго-востока Азии задел самодовольный, примитивный и ханжеский тон многих западных комментариев в связи с окончанием “холодной войны” и нынешний дух торжества западных ценностей» (См.: *Kausikan B.* Asia’s Different Standard // Foreign Policy. 1993. Fall. P. 28–34) .

References

Aron R. Mir i vojna meždu narodami / Per. s fr. pod obŝ. Red. V. I. Danilenko. M.: NOTA BENE, 2000.

Fukuâma F. Konec istorii i poslednij čelovek / Per. s angl. Levina M. B. M.: AST, 2005.

Doverie, social’nye dobrodeteli i put’ k procvetaniû / Per. s angl. Levina M. B. M.: AST, 2004.

Hantington S. Stolknovenie civilizacij. M.: AST, 2003.

Issledovanie istorii. V 3-h t. / Per. s angl. Kožurina K. Â. SPb.: Izd-vo Olega Abyško, 2006.

Tret’â volna. Demokratizaciâ v konce XX veka. M.: ROSSPEN, 2003.

Kto my? Vyzovy amerikanskoj nacional’noj identičnosti / Per. s angl. Baškirova A. M.: AST, 2004.

Moss M. Obŝestva, Obmen, Ličnost’. M., 1977.

Naše postčelovečeskoe budušee. Posledstviâ biotehnologičeskoj revolûcii / Per. s angl. Levina M. B. M.: AST, 2004.

Perežitoe. Moi vstreči / Per. s angl. M. Nosova, N. Kudaševa. M.: Ajris-press, 2003.

Tojnbi A. Dž. Postiženie istorii / Per. s angl. Žarkova E. D. M. Ajris-press, 2002.

Velikij razryv. Čelovečeskaâ priroda i vosproizvodstvo social'nogo porâdka / Per. s angl. Levina M. B. M.: AST, 2005.